

Научная статья

УДК 801.3

doi: 10.17223/19986645/90/5

От орудийной концепции глоттогенеза Л. Нуаре к палеонтологии языка Н.Я. Марра: коллизии трудовой теории происхождения языка

Алексей Всеволодович Никандров¹

¹ *Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия, bobbio71@mail.ru*

Аннотация. Рассматривается проблема связи двух концепций происхождения языка, разработанных Л. Нуаре в конце XIX в. и Н.Я. Марром в 1920–1930-х гг. Автор показывает концептуальное сродство и различия палеонтологической концепции, являющейся важнейшей частью «Нового учения о языке» Н.Я. Марра; и палеонтологической теории Л. Нуаре, на основании чего устанавливает их взаимосвязь. Отправным моментом, объединяющим обе теории, является принцип трудового происхождения языка.

Ключевые слова: яфетидология, «Новое учение о языке», марксизм, орудие труда, ручной язык, звуковая революция, Л. Нуаре, Н.Я. Марр, С.И. Ковалев, А.М. Деборин

Для цитирования: Никандров А.В. От орудийной концепции глоттогенеза Л. Нуаре к палеонтологии языка Н.Я. Марра: коллизии трудовой теории происхождения языка // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 90. С. 94–120. doi: 10.17223/19986645/90/5

Original article

doi: 10.17223/19986645/90/5

From Ludwig Noiré's tool conception of glottogenesis to Nikolai Marr's paleontology of language: Controversies of the labor theory of the origins of language

Aleksey V. Nikandrov¹

¹ *Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, bobbio71@mail.ru*

Abstract. The article discusses the problem of the connection between two conceptions of glottogenesis, one of which was created at the end of the 19th century by the German philosopher Ludwig Noiré within the framework of his philosophy of language, and the other by the Soviet scientist Academician Nikolai Marr in the framework of his “new theory of language” based on the synthesis of Japhetidology and Marxism. Noiré for the first time in the history of linguistics, even before the appearance of the works of Friedrich Engels, developed a holistic synthetic concept of the labor origin of

the language, showing the role of labor tools not only in glottogenesis, but also in anthropogenesis. The author poses the problem of the conformity of Marr's doctrine to Marxism and shows that it was more important for Marr to present his own teaching as Marxist than to really rely on the provisions of Marxism in posing and resolving the problems of the origin of language. In his works on the theory of the origin of the language, Marr puts forward an extraordinary hypothesis of the "zero stage" of language. He postulates the thesis of a linear (manual, or kinetic) language as a precursor to a sound (spoken) language. The author shows the conceptual similarities and differences between the paleontological conception of Marr and the paleoanthropological theory of Noiré. Based on this analysis, the author establishes the relationship between the two conceptions. The starting point that unites these two theories is the principle of the labor origin of language, which is interpreted differently by the two scientists. In connection with the problem of the influence of Noiré's ideas on Marr's conception, the author also discusses some aspects of the creation of the "new theory of language", in particular, the role of the historian of Ancient Rome Sergey Kovalev as a systematizer of Marrism, who developed an algorithm for transforming Marr's Japhetic theory into "Marxist linguistics". The author also reveals the role of Alexander Bogdanov as a proponent of Noiré's conception and the role of Abram Deborin as the author of the philosophical version of the "new theory of language".

Keywords: Japhetidology, "new theory of language", Marxism, tool of labor, sound revolution, manual language, Ludwig Noiré, Nikolai Marr, Sergey Kovalev, Abram Deborin

For citation: Nikandrov, A.V. (2024) From Ludwig Noiré's tool conception of glottogenesis to Nikolai Marr's paleontology of language: Controversies of the labor theory of the origins of language. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 90. pp. 94–120. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/90/5

Введение

«Новое учение о языке» Н.Я. Марра – это не только лингвистическое учение, но также идеологическое течение, особая «политическая философия языка». Для современной науки «Новое учение» отнюдь не является забытым эпизодом из истории советского прошлого, и интерес к Марру и марризму в наши дни не угасает. Однако чаще он направляется не на существо этого необычного учения, а связывается либо с его ролью в определенный период развития советской лингвистики, когда марризм считался ведущим направлением и обладал почти императивным статусом общелингвистической методологии; либо – и чаще всего – с ролью И.В. Сталина, заключающейся в разгроме всех основных положений учения Марра. Это вполне закономерно: ведь и по сей день не ясно, какие причины побудили Сталина организовать «свободную дискуссию по вопросам языкознания» 1950 г., чтобы затем в нее вмешаться, какие цели им преследовались и какие были достигнуты (из последних работ на эту тему см. [1]). После сталинского вмешательства в языкознание «Новое учение о языке» в своем содержании и нюансах было изгнано не только из языкознания, но и из общественной науки в целом. Сталин своей фигурой заслони фигуру Марра, заставив всех считать марризм «труд-магической тарабарщиной» [2. С. 38], недостойной

не то чтобы серьезного подхода и вдумчивого исследования, но даже и внимания. Вся история появления и развития «Нового учения» как бы обрела нового героя – Сталина, который переключил внимание на себя, и стала историей Сталина-лингвиста, победившего Марра и освободившего советское языкознание от диктата его учения, история которого как бы завершилась выходом сталинского труда «Марксизм и вопросы языкознания». Эта установка очень хорошо чувствуется в статье «Сталинское учение о языке» А.М. Деборина, который до 1950 г. был сторонником марризма. Философ в ней доходит до высшей степени апологетики (за которой, вполне возможно, скрывалась ирония): «Открытие законов развития языка – величайшая заслуга И.В. Сталина»; И.В. «Сталин устанавливает, что язык есть продукт общества, что вне общества нет языка...» [3. С. 62, 63]. Как будто до Сталина никто не знал о законах развития языка, а тот факт, что вне общества нет языка, без его трудов установить было невозможно.

Политика преобразовала научную оптику так, что исследователь ориентируется на поиск преимущественно политических мотивов, импликаций и т.д. в марризме; существенные же стороны его философско-лингвистического учения упускаются из вида. Что же важного упущено при изучении наследия Марра? Прежде всего, упущен тот факт, что учение Марра является составной частью трудовой теории происхождения языка, в число классических представителей которой включают обычно только Ф. Энгельса и Л. Нуаре. По этой причине, далее, упущена взаимосвязь идей Марра и Нуаре: практически невозможно, за исключением монографии Л. Томаса 1957 г. «Лингвистические теории Н.Я. Марра» [4], найти работы, авторы которых прослеживали бы идейную связь или хотя бы проводили сравнение их концепций (да и у Томаса это сравнение проведено не в пользу Марра). Как это ни странно, несмотря на то, что внимание исследователей направлялось в основном на политические аспекты истории «Нового учения», упущен вклад в его развитие как «марксизма в языкознании» таких советских ученых-марксистов и одновременно идеологов, как С.И. Ковалев и А.М. Деборин. По этой причине не получили внимания интересные аспекты общего положения науки в сталинское время.

Н.Я. Марр и современное языкознание

Какой интерес учение Марра может представлять для современной общественной науки в целом и для языкознания в частности; в чем состоит актуальность его палеонтологии языка и в особенности гипотезы о ручном языке, если брать марризм содержательно, в отстранении от политики?

Во-первых, относительно идей Марра как культуролога и философа в их совокупности следует сказать, что при всех выраженных недостатках «Нового учения» нельзя не учитывать того, что ученый, по словам Б.Ф. Поршнева, пытался проникнуть «в поистине океанские глубины человеческой древности» и того, что «у Марра речь шла о масштабах и дистанциях совер-

шенно иных, чем у лингвистики в собственном смысле слова, охватывающей процессы в общем не длительнее, чем в сотни лет» [5. С. 41]. Столь титанический размах мысли требует и определенной доли внимания к идеям «языковой доистории» Марра и к их источникам, и некоторой снисходительности к фантастическим элементам марризма и к явному несовершенству его аналитического инструментария. Сложно, в самом деле, говорить о строгости и доказательности, когда речь идет о *метафизике* языка, направившей свой взор в самую его колыбель.

Во-вторых, относительно учения Марра-языковеда необходимо подчеркнуть, что в истории лингвистических идей его учение выступает не само по себе, но является результатом развития трудовой теории происхождения языка, основными представителями которой являются Ф. Энгельс и Л. Нуаре. Опираясь на их труды, Марр не только создал глубоко оригинальное учение, не только развил лингвистические идеи своих предшественников; но и, синтезировав результаты, к которым пришли Энгельс и Нуаре, предложил интересные способы разрешения противоречий, содержащихся в их концепциях. В наше время трудовая теория происхождения языка отнюдь не является чем-то вроде теоретического реликта, но считается, с некоторыми оговорками, вполне рабочим инструментом науки. Между тем, если посмотреть научную литературу, посвященную трудовой теории глоттогенеза, обнаруживается серьезный недостаток: это видно хотя бы по тому, как она именуется в работах лингвистов: «трудовая теория Нуаре – Энгельса» (или «Энгельса – Нуаре»), а иногда «теория Нуаре – Энгельса – Маркса» [6. С. 55]). Ни в одной работе, касающейся трудовой теории, которая, по идее, должна называться «трудовая теория Нуаре – Энгельса – Марра», последний как ее полноправный участник и теоретик не упоминается.

В современном языкознании трудовая теория глоттогенеза имеет как сторонников, так и критиков. Что касается последних, то в основном их замечания сводятся не столько к критике «доказательной базы», сколько к критике философской основы трудовой теории. Ввиду того, что имя Нуаре известно лишь историкам лингвистики и антропологам, трудовая теория связывается прежде всего с именем Энгельса и на этом основании считается сугубо марксистской, т.е. идеологической *par excellence*. Что же касается ученых, в целом поддерживающих трудовую теорию, то они, как правило, заняты отдельными составными частями процесса труда: деятельность, определяемая целью, коллективность, орудийность, коммуникация и т.д., труд же как единство деятельности, цели и смысла остается как бы за скобками исследований. Это не мешает, однако, считать трудовую теорию научно состоятельной и перспективной. Н.С. Розов, не будучи приверженцем трудовой теории, при анализе всей совокупности гипотез глоттогенеза начиная с XIX в. и по наше время, имеющих научный характер, на почетное второе место ставит те, основой которых является труд, который он приравнивает к орудийным технологиям и существом которого полагает «планирование действий и воображение будущего изделия» [7. С. 349]. Главным

представителем комплекса трудовых гипотез Н.С. Розов считает Ф. Энгельса.

Итак, трудовая теория не может быть полной без идей Н.Я. Марра о происхождении языка. Здесь, забегая вперед, следует выделить один момент учения Марра: суть его важнейшей новации состоит во введении и попытке обоснования гипотезы о ручном (линейном, или кинетическом) языке как предшественнике звукового, или, современными терминами, жестовой гипотезой. Конечно, эта гипотеза носит характер необубедительности; Марр и сам признавал, что многими ручной язык воспринимался как «занимательный курьез» [8. С. 107]. Однако для современной лингвистики это решение Марра представляет особый интерес по причине того, что исследования в области жестового происхождения языка, «жестовые гипотезы», реанимированные около начала 1970-х гг., в наше время пользуются немалой популярностью в среде ученых, занятых проблемой происхождения языка. Понятно, что на этом фоне идея ручного языка давно уже считается не курьезом, а рабочим аналитическим инструментом науки. Это началось с появления работ Гордона Хьюза – статей 1973 г. «Коммуникация приматов и происхождение языка из жестов» [9] и 1976 г. «Современное состояние жестовой теории происхождения языка» [10]. В последующих работах, в которых развивалась тема жестового языка, Г. Хьюз стал обращаться к идеям Марра, но делал это как бы от случая к случаю: так, в обзорной работе 1993 г. «Отношение орудий и языка в истории мысли», неправомерно причисляя Нуаре к сторонникам жестовой гипотезы [11. Р. 26], совершенно обходит вниманием ручной язык Марра.

В ХХI в. жестовая гипотеза не утратила силу и приобрела влиятельных сторонников: достаточно назвать имена Майкла Томаселло и Майкла Корбаллиса [12. С. 312–316]. Связь принципов жестовой гипотезы с принципами трудовой характерна отнюдь не для всех приверженцев «жестовых исследований» и проводится нечасто. Это и понятно, ведь труды Марра, в учении которого «жестово-трудовая» концепция глоттогенеза предстает в полном виде, все еще не получили широкого распространения. Более того, в современных работах, посвященных Марру, нередко можно встретить понимание ручного языка как «изобретения» Марра, своего рода искусственной концепции. Такой подход проводится, к примеру, в обстоятельной и интересной работе 2012 г. «Язык следует за трудом: материалистическая палеонтология речи Николая Марра» Елены Вогман [13].

В-третьих, поскольку углубление в содержание марризма показывает, что его анализ в полном отстранении от политических сторон и мотивов невозможен, относительно политической составляющей работ Марра как марксиста (или как ученого, претендующего на то, чтобы считаться марксистом) необходимо отметить, что внимательное изучение истории создания и развития «Нового учения» может выявить скрытые стороны и мотивы не только самого этого учения, но и осветить ряд существенных аспектов жизни советской науки в сталинское время. Сформировавшееся после 1950 г. убеждение, что Марр – не настоящий марксист, что он, по Сталину,

«хотел быть и старался быть марксистом, но он не сумел стать марксистом» [2. С. 33], заслонило от исследователей интересные обстоятельства и коллизии слияния яфетической теории с марксизмом и ее перерождения в «Новое учение о языке»: это участие в создании «марксизма в языкознании» историка С.И. Ковалева и философа А.М. Деборина, имена которых в марроведении встречаются еще реже, чем имя Нуаре. С этих научно-политических мотивов, оказавших серьезное влияние на содержание «Нового учения» и определивших ряд существенных аспектов его методологии, и следует начать.

«Новое учение о языке»: Н.Я. Марр и его сооснователи

«Новое учение о языке» было разработано не одним Марром: в создании марризма роль тех, кого принято называть «последователями», настолько велика, что некоторых из них правомерно будет назвать участниками разработки марризма, сооснователями или «со-творцами» (известное выражение К.Б. Радека). Отправные положения марризма формулируются при участии С.И. Ковалева; марризм популяризируется усилиями В.Б. Аптекаря; получает содержательное развитие в трудах И.И. Мещанинова, психолингвистическую проработку в работах К.Р. Мегрелидзе; социолингвистические (В.И. Абаев) и философские (А.М. Деборин) основания.

Отсчет начала преобразования яфетидологии в «Новое учение о языке» вместе с И.И. Мещаниновым следует вести с 1924 г., когда Марр начинает разработку своей «диалектической палеонтологии»; а второй этап датировать 1930–1931 гг., «когда новым поворотом в яфетидологии обострился упор на проблему языка и мышления» [14. С. 8]. В риторике тех лет «Новое учение» становится «марксизмом в языкознании» после «поливановской дискуссии» 1929 г.; после же разгрома «Языкфронта» в 1932 г. «Новое учение» представляется как марксистское практически официально. В смысле продвижения своего учения Марр был на высоте, его противодействие критике и борьба с конкурентами неизменно увенчивались успехом, но как обстояло дело с идейной, т.е. с марксистской частью? С марксизмом Н.Я. Марр серьезно знаком не был, и хотя, по словам В.М. Алпатова, с 1928 г. он «оснащает свои работы цитатами из К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина, а позднее и из Сталина, причем их число из года в год возрастает» [15. С. 68], «марксизация» его учения была поверхностной и носила приспособительный характер. К марксизму он относился, можно сказать, потребительски, преследуя цель «использовать марксистское учение часто путем явной фальсификации, как источник своего учения» [15. С. 73]; а уж если «надо было выбирать между марксизмом и собственными любимыми идеями, то Марр выбирал последние» [16. С. 193].

Со своими идеями о классовости языка, о революционных сдвигах в языке и т.д. Марр оказался «на одной волне» с советским марксизмом 1920-х гг., до сталинского поворота от интернационализма к государственно-

центризму середины 1930-х гг. Да и легитимация учения посредством приписывания ему марксистского характера и истоков была в те годы жизненно необходима. Поверив в марксизм своей теории, в то, что «марксизм яфетического языкознания вне спора», Марр стал утверждать, что его учение «неожиданно и без подготовки для себя оказалось утверждающим положения учения об историческом материализме, т.е. в методе скрестилось с марксистским учением» [17. С. 328]; что яфетическая теория «на достигнутом ею этапе своего развития целиком сливается с марксизмом, она входит в него как неразрывная часть» [18. С. 268]. Ученый с пафосом утверждал: «Как не сказать, что новое учение о языке начинается с Маркса–Энгельса...» [19. С. 451]; или же: «Если бы Маркс воскрес... он увидел бы громадную, неслыханную практику со сдвигами в теории по всей стране и изумительные положения нового учения о языке...» [19. С. 452]. Впрочем, когда некоторые положения яфетической теории, перестраиваемой как «марксизм в языкознании», резко контрастировали с марксизмом, Марр, как справедливо утверждает В.М. Алпатов, «считал, что изменяться должно не его учение, а сам марксизм...» [15. С. 68].

Но как было возможно, чтобы ученый, к марксизму близко не стоявший, создал учение, которое, при всех натяжках, было широко признано марксистским (а во многих аспектах и стало таковым)? Дело в том, что исключительная роль в создании «марксизма в языкознании» принадлежала не Марру. Более того, сама развернутая постановка о «марксизме в языкознании» была совершена другим ученым. В концептуальном смысле вести отсчет марризма следует с 30 мая 1927 г., когда в Яфетическом институте в присутствии Н.Я. Марра историком Античности С.И. Ковалевым был сделан доклад «Марксизм и яфетическая теория». Доклад был переозвучен в ленинградском НИИ марксизма 25 января 1928 г. [20. С. 243–266]; через неделю по нему состоялись прения [20. С. 267–298]. Тезисы доклада Марр включил в свою работу «Общий курс учения об языке» (1928) [19. С. 114–119], похвалив докладчика за внимание «к теоретическим основам яфетической теории» [19. С. 119]. Благодарить Ковалева было за что: историк, отодвигая на второй план чисто лингвистические аспекты трудов Марра и выдвигая на первый философские и идеологические, создал, по сути дела, развернутую программу, в которую были включены некоторые важные тезисы яфетической теории по ее состоянию на тот момент. Программой доклад Ковалева делало то, что в этом тексте был расписан комплекс последовательных задач, алгоритм превращения яфетической теории в «марксистское языкознание». При этом Ковалев продемонстрировал хороший уровень знакомства с работами Марра и подготовки в области языкознания.

Формально доклад Ковалева представлял собой реакцию на марровскую «Программу общего курса учения об языке» (1927), которая к самому марксизму отношения не имела и никаких задач в этом направлении не ставила. Обладая солидной марксистской подготовкой, Ковалев увидел в текстах, которые выходили из-под пера Марра, зерна будущего «марксизма в языкознании». Больше половины тезисов (их всего 66) касаются общих основ

марксизма, и лишь с 37-го начинается схематичный обзор яфетидологии, переходящий в проект ее «марксизации». Тезис 37 – «Марксизм не имеет собственной специально-языковой теории» [19. С. 114] – в докладе звучит более развернуто: «Марксизм не имел времени и возможности создать собственную специально-языковую теорию»; а размышления Энгельса «были слишком общи, чтобы служить для систематической разработки проблемы» [20. С. 265]. В качестве кандидата на то, чтобы стать основой «специально-языковой теории марксизма», предлагается яфетидология Марра, которая «(сознательно или бессознательно, это вопрос другой) стоит в основном на почве диалектического материализма» [20. С. 262]. В тезисе 65 Ковалев ставит цели: «Яфетической теории необходимо открыто признать марксизм, как свою общеполитическую и общесоциологическую базу, марксизму необходимо принять яфетическую теорию, как свой специальный лингвистический отдел» [19. С. 118]. Как историк, С.И. Ковалев мыслил в духе 1920-х гг.: в частности, он призывал своих коллег: «Впереди вся огромная работа создания единой синтетической истории человеческого общества» [21. С. 6]. Как это нетрудно констатировать, языковедческую часть такой «сверхтеории» Ковалев не без успеха обеспечивает сам.

Тот факт, что целостный марксистский вид «Новое учение о языке» начинает принимать только в программных работах С.И. Ковалева, подтверждает участник прений 1928 г., приверженец марризма, историк Н.С. Державин, ставший вскоре при содействии Марра академиком: «Доклад С.И. Ковалева дал исчерпывающую схему, которая охватила все вопросы, затрагиваемые Н.Я. Марром в его работах и лежащие в основе того, что, конечно, называть теорией, строго говоря, еще не приходится, ибо теория предполагает нечто совершенно цельное, законченное, сложившееся и оформленное, чего, конечно, у Марра еще нет и на что он и сам не претендует» [20. С. 274].

Н.Я. Марр, С.И. Ковалев и Л. Нуаре: проблемы филиации идей

В 1925 г. в переводе И.Д. Давидзона в СССР вышла книга немецкого философа и филолога Людвигу Нуаре «Орудие труда и его значение в истории развития человечества» (1880). Она была встречена с интересом, ведь, по мнению Давидзона, «нарисованная Нуаре картина доисторического развития человечества выдержана полностью в тонах и красках исторического материализма» [22. С. 25]. Это случилось в один год с первой публикацией в оригинале и на русском языке «Диалектики природы» Энгельса, благодаря чему его краткий историко-антропологический эскиз «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека», входящий в состав этих рукописей, стал широко известен (хотя, к слову сказать, «Роль труда», впервые опубликованная в 1896 г., в Советской России несколько раз публиковалась в начале 1920-х гг.). «Роль труда» Энгельса и «Орудие труда» Нуаре – это труды, в которых раскрывается трудовая теория происхождения языка. В этот корпус входит также более ранняя работа Нуаре «Происхождение языка» (1877).

Марр оценивает Нуаре как наиболее близкого к яфетидологии мыслителя, причем близкого по идеологии [19. С. 79, 421]. В чем же состоит существо орудийной концепции глоттогенеза Нуаре и как она связана с идеями Марра, в частности с идеей ручного языка? Прежде чем перейти к этому вопросу, необходимо сделать небольшое отступление о Фрэнке Кашинге, влияние работы которого «Ручные понятия» (1892) на Марра проблематизировалось в литературе: по словам Вяч.Вс. Иванова, «работа Кашинга стала широко известна благодаря ее популяризации Леви-Брюлем, в изложении которого она, вероятно, повлияла и на идею ручной (линейной) речи у Марра» [23. С. 31]. В работе «О происхождении языка» Марр говорит: «Сославшись на работу американского ученого Кушинга (Cushing) о взаимодействии ручного языка с звуковым, в которой автор рядом с ручным языком вводит смелый, но многозначительный термин “ручные восприятия”, Леви-Брюль отмечает весьма важный факт одновременного существования языка жестов рядом с звуковым языком» [19. С. 203]. Конечно, пассажи Леви-Брюля, где он излагает работу Кашинга, заставляют вспомнить мысли и Марра, и Нуаре, например: «Прогресс цивилизации имеет своим источником взаимное воздействие руки на ум и ума (esprit) на руку. <...> Первобытный человек не говорил без помощи своих рук, не мыслил также без них. <...> *Говорить руками* это в известной мере *буквально думать руками*» [24. С. 106]. Тексты Марра, однако, говорят о том, что он пришел к гипотезе ручного языка до знакомства с Леви-Брюлем и, соответственно, Кашингом, не находясь под влиянием кого-либо из них, но не преминул привлечь их утверждения в доказательство правоты своих идей [19. С. 203, 207].

Имя Нуаре впервые в марризме появляется в «Общем курсе учения об языке», причем не только в тексте Марра, но и в тезисах Ковалева, к которым вновь следует обратиться. В тезисе 40 Ковалева сообщается, что «взгляды Л. Нуаре на происхождение языка из коллективной работы первобытного человека были популяризированы рядом марксистов (Плеханов, Богданов, Бухарин и др.)» [19. С. 114]. В тезисах Ковалева проводится установка, суть которой состояла в том, что идеи Нуаре, может быть, и повлияли на Марра, но в принципе его работы не являются прямым источником учения Марра. Тезис 65 прямо показывает нежелание Марра–Ковалева открыто признать влияние: после программного заявления о том, что яфетической теории необходимо признать марксизм как свою философскую базу, следует как бы рекомендация: «Гениальная догадка Нуаре не может играть такой роли, поскольку она является только гипотезой, и поскольку она оперирует материалом и методами индоевропейской лингвистики. Ряд основных утверждений Нуаре, совершенно независимо от него, развивается Н.Я. Марром с полной научной убедительностью и исчерпывающей полнотой» [19. С. 118]. Та же мысль в докладе Ковалева: «Гениальная попытка Нуаре создать подлинную палеонтологию языка на почве индоевропеизма была неизбежно обречена на неудачу (у Нуаре просто не было для этого материала) и не имела продолжателей среди индоевропейской лингвистики» [20. С. 247]. Хотя

Ковалев и признает, что гипотеза Нуаре «была принята марксизмом, благодаря ее материалистическому характеру и правильному методу подхода к решению вопроса», историк в тоге лингвиста (точнее, марриста) находит в ней много изъянов (помимо «греха» индоевропеизма), по сути, требуя от лингвиста XIX в. превзойти самого себя и отвечать на вопросы, поставленные наукой позднее: гипотеза Нуаре, «обвиняет» Ковалев, «касаясь, главным образом, происхождения языка, оперируя здесь далеко недостаточным материалом и оставляя нерешенным целый ряд важнейших проблем не только чисто-языкового, но и общего культурно-исторического характера: вопрос о дальнейшем развитии речи... о зависимости языка от социальной среды и т.д.» [20. С. 265].

С.И. Ковалев предлагает, во-первых, утвердить глубокую оригинальность философии языка Марра; во-вторых, соблюдая научную корректность, вписать теорию Нуаре (статус которой он понижает до гипотезы, делая это настойчиво) в контекст истории учения Марра, в которой она должна занять строго отведенное, отнюдь не почетное место. Учитывая же то, что в марризме слово «индоевропейский» звучит как убийственный диагноз, определение «*оперирует методами индоевропейской лингвистики*» автоматически снижало значение любой концепции. Исключительная новизна учения Марра подчеркивалась и в прениях по докладу Ковалева 1928 г.: так, Б.Л. Богаевский отметил, что докладчик «совершенно прав, когда говорит, что яфетическая теория Н.Я. Марра представляет собою совершенно новое, в сравнении с старыми работами Гейгера, Нуаре, Каппа или Богданова, учение о возникновении и развитии языка» [20. С. 268]. Маррист И.Г. Франк-Каменецкий озвучил более сильный призыв: признать, что положение о происхождении языка на почве труда яфетическая теория «утверждает и обосновывает... совершенно независимо от Нуарэ», даже цитирование которого «представляется анахронизмом, поскольку названный лингвист, стоявший на почве индоевропейского языкознания, конечно, не мог учитывать новейшие данные, касающиеся дологического мышления» [20. С. 292].

Н.Я. Марр, не отказавшись от упреков Нуаре в «индоевропеизме», воспользовался более «надежным» способом нивелировать значение досадного предшественника. Принимая главный тезис Нуаре о том, что возникновение языка прямо связано с овладением человеком искусственными орудиями труда, но не разбирая вообще его построений об орудиях труда, Марр помещает имя Нуаре в число исследователей, связывающих развитие языка с развитием материальной культуры. Он признает, что «органическая увязка языка с материальной культурой нашла в отношении проблемы о происхождении речи проработку на языковом материале в трудах Л. Нуаре еще столетия тому назад...» [19. С. 129]), но далее утверждает, что «к этой же органической увязке языка с материальной культурой независимо подошло побуждаемое подсудными ему данными яфетическое языкознание, ныне новое учение об языке...» [19. С. 129]). Ключевое слово в этой фразе, как легко догадаться, – «независимо».

В лучшем случае заслуги Нуаре признавались в том отношении, что он «близко подошел» к правильной, т.е. марксистской, трактовке глоттогенеза (существо и марксистскую релевантность которой, надо заметить, определяли сами марристы). Марр пишет: «Одно время как на марксистское языковедение в марксистской среде указывалось на работы Нуаре. Но это имело место лишь постольку, поскольку Нуаре близко подошел к проблеме решающего значения руки в производстве как орудия, и с ним, орудием искусственным, продолжением руки, связи надстройки – языка» [25. С. 14]. «Недостаток» же Нуаре состоит якобы в том, что тот не разглядел всей сложности проблемы, как это удалось сделать основоположнику яфетидологии. Отношение Марра к Энгельсу по существу было точно таким же: отсылки Марра–Ковалева к «Роли труда» были формальны и не обязывали к глубокой идейной постановке проблем языка и его происхождения (тезис 39 Ковалева: «Энгельсом было высказано только общее положение о развитии языка из процесса труда (“Роль труда в процессе очеловечивания обезьяны”»)» [19. С. 114]). Приоритет в «подлинно материалистическом» анализе языка Марр отдает П. Лафаргу: «Никто не может оспаривать, что Лафарг языковед-марксист» [25. С. 14], ссылаясь на его работу «Происхождение идей добра и справедливости» (1885), к лингвистике не имеющей прямого, а к проблеме происхождения языка – никакого отношения. Что же касается «правоверных» марристов вроде В.Б. Аптекаря, то они относились к Нуаре с нескрываемым скептицизмом, вообще не считая необходимым анализировать его работы, ибо тот, полагали они, хотя и связывает язык с трудом, сам труд трактует неправильно, т.е. не по-марксистски, что обесценивает его идеи [26. С. 74]. Нуаре и в самом деле не проводил марксистской концептуализации труда – впрочем, извинительным обстоятельством было то, что он не был никаким образом знаком ни с Марксом и Энгельсом, ни с марксизмом (что в советской риторике едва ли могло быть оправданием).

Надо признать, что Марр и марристы добились своего: даже в современной литературе проблема влияния Нуаре на Марра ставится крайне редко, а ученые, признающие это влияние, делают это в критическом ключе: так, М. Ляхтеэнмяки и Н.Л. Васильев утверждают, что «в основе марровской концепции глоттогенеза лежит именно “трудовая теория” Нуаре, но с примесью “магического” компонента, о котором постоянно говорит основатель яфетидологии» [27. С. 84]. Они ссылаются на работу классика зарубежного марроведения, автора одной из первых работ, посвященных Марру, Лоуренса Томаса «Лингвистические теории Н.Я. Марра», в которой он определил «три основных элемента теории Марра, заимствованных из учения Л. Нуаре: возникновение языка на основе трудовых выкриков, появление орудий труда, решающую роль руки в развитии речи» [27. С. 85]. Л. Томас действительно прослеживает влияние идей Нуаре на Марра [4. Р. 110–115], но – и в этом его работа выделяется во всей маррологии – сильно преувеличивает эту зависимость. Томасу нужно это, по всей вероятности, для того, чтобы подвергнуть сомнению «марксистский базис» [4. Р. 101] учения

Марра: ученый желает показать, что марксизм в меньшей степени, чем другие теории, стал основой для «Нового учения о языке». Поэтому, анализируя источники марризма, Томас прослеживает и находит следы влияния В. Вундта, Л. Гейгера, Ф. Кашинга, Л. Леви-Брюля, Э. Кассирера, Г. Спенсера, Ч. Дарвина, А.Н. Веселовского; но, по сути дела, склоняет читателя к отрицанию влияния К. Маркса и Ф. Энгельса. Убеденный в исключительно фасадном характере марксизма Марра [4. Р. 111], Томас хочет убедить в этом и своего читателя. На такую «мелочь», как концепция ручного языка и звуковой революции, ни Л. Томас, ни М. Ляхтеэнмяки и Н.Л. Васильев внимания не обращают, между тем как эти идеи выражают существо новаций Марра в области глоттогенеза. Однако, и это будет показано далее, в критике исследователей есть логика, и вина в невнимании к серьезным нововведениям Марра во многом лежит именно на нем.

Оказалось ли учение Нуаре, подобно марксизму, также задолго до Марра «неожиданно и без подготовки для себя» утверждающим положения марризма и потому вошло в его «железный инвентарь»? Или же следует вести речь не о том, что Марр обнаружил в концепции Нуаре свою опору, а о том, что *сначала* эта концепция стала источником марровских идей о ручном языке, о роли руки в антропогенезе, о звуковой революции, а *затем* была представлена в ряду других источников как один из них, может быть, не самый важный, как пример того, что даже буржуазные ученые могут иногда приближаться к истине? В самом деле, не мог ведь идеалист и кантианец Нуаре быть вдохновителем «марксизма в языкознании»? Для ответа на эти вопросы следует прежде всего обратиться к трудам Нуаре, но перед этим необходимо прояснить, как в России воспринимались идеи Нуаре до Марра.

Первым русским мыслителем-марксистом, обращавшимся к творчеству Нуаре, конкретно к его первой работе («Происхождение языка»), был Г.В. Плеханов [28. С. 48–49]. В примечаниях к изданию 1922 г. «Основных вопросов марксизма» Плеханова (первое издание вышло в 1908 г.) редактор Д.Б. Рязанов говорит, что Нуаре – мыслитель «совершенно игнорируемый в цеховых кругах по истории философии» [28. С. 178]. Плеханов впервые вводит труды Нуаре (точнее, первый его труд) в научный оборот, а серьезная разработка идей Нуаре осуществляется учеником Плеханова – А.А. Богдановым, который становится первым проponentом этих идей в России. В отличие от Марра, Ковалева, Деборина, которые обращались прежде всего ко второй работе Нуаре, «Орудие труда», вовремя подоспевшей с изданием в СССР, Богданов в своих языковедческих штудиях опирается на концепцию происхождения языка из трудовых криков, представленную в первой книге. Не будучи знаком с «Орудием труда», Богданов свел теорию Нуаре только к концепции «трудовых криков», которые им отождествлялись с произвольными выкриками, т.е. аффектами, за что Марр подверг его критике [8. С. 80]. Наоборот, тезис о трудовых выкриках Марр практически не будет использовать, продвигая собственную гипотезу о первоэлементах, – и в этом плане его концепция окажется куда более спекуля-

тивной, тогда как Нуаре и вслед за ним Богданов старались избегать излишней спекулятивности. Богдановская интерпретация обрела такую известность, что в работах тех лет называлась «теорией происхождения языка из трудовых криков Нуаре – Богданова». Речь идет о работе «Падение великого фетишизма» (1910) [29] и ряде пассажей в работах 1918 г. [30].

Несмотря на свое «марксистское превосходство» по отношению к «полуидеалисту» Нуаре [29. С. 18], Богданов не просто излагает его теорию, но, критически переработав ее, выстраивает скорректированную схему, сосредоточив усилия на проработке перехода от «слова» к «мысли», т.е. того, как из «элементов социальной техники – трудовых процессов – возникают элементы идеологи – “слово” и “понятие”» [29. С. 29]. Если бы Богданов ознакомился со второй работой Нуаре, с «Орудием труда», то многие стороны его анализа получили бы иную, более перспективную разработку: ему помогла бы, к примеру, хорошо проработанная Нуаре трактовка генезиса в языке схем причинности и способа передачи накопленного трудового опыта. Тем не менее Богданов доводит свою интерпретацию Нуаре до чеканных формулировок: «Научная теория происхождения речи, созданная гениальным филологом Нуаре, такова. Речь возникла из *коллективного труда* первобытной общины, а именно из “трудовых криков”. Это звуки, произвольно вырывающиеся при физических условиях в силу связи дыхательного и голосового аппарата с остальным нервно-мускульным механизмом... <...> Из немногих таких “первичных корней”, путем медленных, бесчисленных вариаций в ряду веков, развилось все богатство человеческой речи» [30. С. 324]. Протослова, таким образом, образовались из ритмических трудовых коллективных действий и являлись их обозначениями.

В «Орудии труда», которое в рамках философии языка Нуаре должно служить как бы введением к «Происхождению языка», мыслитель исходит из постулата о том, что «как язык, так и орудие труда, инструмент, является специфически характерным для человека. В этом отношении человеческий мир и животный мир без единого исключения резко разграничены» [22. С. 138]. Отнюдь не все советские идеологи, надо заметить, придерживались подобных взглядов. Так, И.И. Презент, известный больше как соратник Т.Д. Лысенко, в своей работе «Происхождение речи и мышления» (1928), считающейся околomarристской (хотя к «Новому учению» она имела мало отношения, да и марристами признана не была ввиду своей малой значимости [16. С. 59, 187]), утверждал, что «новейшие достижения языкознания окончательно опрокидывают лингвистическое обоснование теории Нуаре в той ее части, где она утверждает, что речь есть исключительное достояние человека» [31. С. 41] и что «речь и мышление не есть нечто присущее исключительно человеческому обществу, но есть и у других животных» [31. С. 70]. Впрочем, книга Нуаре повлияла и на него: на вопрос, что же отличает человека от животных, Презент отвечает, что человек «переделяет окружающую среду не при помощи собственных *естественных* органов... а при

помощи *искусственных* органов. Между человеком и изменяемой им природой стоят не собственные части тела человека, а *отделенные* от тела орудия» [31. С. 76].

Мышление и язык в совокупности с трудом, утверждает Нуаре, предшествуют появлению орудий, и именно «трудом достигаемые модификации внешнего мира рождаются с теми звуками, которые сопровождают работу, и таким путем эти звуки приобретают определенное значение. Так возникли корни языка, те элементы или первичные клеточки, из которых выросли все нам известные языки. <...> В те отдаленные времена глубокой доисторической древности все проявлялось в коллективной форме. Только коллективный, сообща произносимый звук приобретал способность стать звуком речи, т.е. стать общепонятным» [22. С. 41]. Нуаре специально подчеркивает доорудийность языка и разума: «Как бы ни противилась тому наша фантазия, мы все же должны принять, что между первобытной мглой, окружающей беспросветное существование многих поколений наших предков при совершенном отсутствии языка и разума, и начавшимся впоследствии человеческим развитием, лежала полоса едва освещенных редкими проблесками сумерек, в которых человек уже владел языком и разумом, но не владел еще орудиями труда» [22. С. 57]. «Не владел орудиями труда» не значит «не трудился»: Нуаре с необходимостью признает и доорудийный труд; первичной у него является коллективная деятельность (труд), в процессе которой рождается и развивается «язык-мышление».

Из размышлений Нуаре с необходимостью вытекает, что тот язык и тот разум, которыми владел человек в доорудийную эру, едва ли можно сопоставить с тем, во что они развились при «подключении» орудий, ибо атрибуты разума, по Нуаре, приобретаются в процессе орудийного труда. Мыслитель весьма подробно показывает, как формировались идеи каузальности, как образовывались абстракции, исходя из того, что «орудие труда... имеет характер универсальной или *всеобщей идеи*» [22. С. 184]. Основной принцип палеоантропогенеза Нуаре состоит в том, что «влияние орудия труда на мышление проявляется преимущественно в двух направлениях: во-первых, благодаря разрешению и разъединению элементов каузального соотношения, отчетливому сепаратному выступлению причины и следствия, средства и цели, эта каузальность приобретает все большую, все возрастающую ясность в человеческом сознании. Во-вторых, это влияние проявляется в объективации и проекции собственных органов человека, до того действующих лишь при наличии смутного сознания индивидуумом своих инстинктивных функций» [22. С. 69].

Орудие не первично: оно есть только «продолжение руки»: Нуаре проводит очень важную идею о значении руки как органа разума; о том, что «руки являются *conditio sine qua non* развития разума», и «развитие разума составляет необходимую предпосылку совершенной формы и многосторонней деятельности руки» [22. С. 124]. О роли руки («орудия орудий», по Аристотелю) в формировании человека говорили многие мыслители (среди которых Кант, Гегель, основатели марксизма), но у Нуаре, помимо общих

мыслей, разработана достаточно детальная «теория руки». Рука, по Нуаре, – это «орган, открывающий человеку путь цивилизации» [19. С. 78]. Руке, ее «истории и теории» посвящены у мыслителя многие страницы: Нуаре зарисовывает теоретическую панораму, раскрывающую «чрезвычайную важность руки, как органа творческого и как органа воспринимающего» [22. С. 122]. «Настоящая история» руки начинается с того момента, когда в нее были вложены орудия труда, инструменты: «...решительный шаг из области животной активности в область человеческой активности был сделан тогда, когда в руку вложены были инструменты, орудия труда...» [22. С. 135].

Итак, Нуаре, решая проблему генезиса общих понятий, языка, преобразования звуков в слова и т.д., связывает развитие всех этих неотъемлемых свойств человека с развитием орудий труда, совершенствование которых формировало человека в целостности его атрибутов. Есть один нюанс, связанный с близостью идей Нуаре к марксизму, который в какой-то мере объясняет некоторое смущение марристов. Казалось бы, в своем палеоантропогенезе Нуаре проявляет себя как марксист не в меньшей степени, чем Энгельс: мышление и язык он возводит к труду, наполняя это понятие конкретным содержанием. Но в этом-то и дело: труд у Нуаре не был, да и не мог быть концептуализирован как *фундаментальная категория*, субстанция общества и истории, как у Маркса и Энгельса. Если человечество эпохи «редких проблесков сумерек» у Нуаре наделяется в первую очередь мышлением и речью и имплицитно – трудом, то подобная эпоха у Энгельса связывается с трудом *par excellence* («Сначала труд, а затем и вместе с ним членораздельная речь...», по Энгельсу), который поначалу носил инстинктивный характер («животнообразная инстинктивная форма труда» Маркса). Язык в марксизме возникает «из процесса труда и вместе с трудом», он – сын труда: по А.А. Богданову, «из Труда человеческого выделилось Слово, и стало его символом. Затем Слово породило Мысль. Мысль и Слово стали самыми мощными орудиями трудового развития человечества» [29. С. 175].

Ручной язык и звуковая революция в работах Н.Я. Марра

Проблема происхождения языка переформулируется Марром в проблему генезиса «звукового языка, специально звуковой речи человечества» [19. С. 198]. Он отвергает гипотезу зарождения человеческой речи из звукоподражаний полагая ее заблуждением, ибо «природа человеческой речи иная, и не из звуковой техники берет она свое начало. Первая человеческая речь не звуковая. Она не только не была звуковой, но и не могла быть, так как первобытное человечество осознавало и воспринимало окружающий мир в образах, для передачи которых звуки не годились бы и в том случае, если бы они были в его распоряжении...» [19. С. 200]. Марр утверждает, что звуковому языку предшествовал язык ручной (линейный, или кинетический), соответственно звуковой речи – линейная (специально аналитическое различение языка и речи он не проводит, однако эти понятия у него все же не тождественны): «Пока, однако, не возникало членораздельной звуковой

речи, наследственно воспринявшей все достижения линейного языка с помощью руки, это природой данное орудие, собственно две руки, являлись выразителями речи: рука или руки были языком человека. Жесты, мимика и в некоторых случаях вообще телодвижения исчерпывали средства языкового производства» [19. С. 201]. Ручной язык – это «нулевой этап языка», протоязык, или, лучше сказать, достадийное состояние языка, когда эта стадия изображается как фундамент языкового древа [19. С. 195].

С одной стороны, в нашем восприятии ручной язык – это нечто, на язык совсем не похожее: недаром Б.Ф. Поршнев, размышляя о марровском ручном языке, пришел к выводу, что в его концепции «то, что лежит в начале развития языка, это – антиязык» [5. С. 42]; с другой стороны, ручной язык – это все же язык в собственном смысле слова, и если его можно назвать примитивным, то только в сравнении с позднейшим звуковым: «Ручной язык предполагает технически развитость регулирующего мозгового аппарата и связь с ним, идеологически общественность, хотя и примитивную, и ее отражение в образах, указывавшихся рукой с дополнительной линейной изобразительностью посредством лица, мимикой. Ручной язык не только давал возможность выражать свои мысли, образы-понятия и общаться с коллективом...» [19. С. 202].

Какому бы типу общества ни соответствовал ручной язык, ясно, что это – язык общения, а значит – язык коллектива, коллективных практик. Звуки, сопровождая «ручное общение», имели подчиненный характер, но в какой-то момент звук выходит на более важный план: Марр кратко рисует картину, схему того, как один воспроизводимый звуковой комплекс – как бы первое слово – из коллективных общений, сопровождавшихся звуками, постепенно стал предметом самоидентификации данного коллектива, т.е. тотемом; причем «употребление первой звуковой речи не могло не носить характера магического средства, отдельные ее слова не могли не ценить как чародейство» [19. С. 204]. Этот момент Марром выражен пока нечетко, но в принципе понятно, что ручной язык не был достаточно эффективен и постепенно стал заменяться звуковым, когда первые звуки («нерасчлененные слова») стали постепенно замещать элементы выражения коллективности, коллективные чувства; здесь же намечался и переход к выделению из коллектива отдельных индивидов. Так «природный звуковой комплекс» приобретал новое качество, превращаясь в «особым искусством отточенное орудие» [19. С. 205], т.е. в комплексы членораздельных звуков.

Но все это не могло произойти случайно, – и Марр находит причину порождения звуковой речи, выдвигая вполне марксистский тезис о том, что «положить начало творчеству членораздельной звуковой речи» следует «каким-либо производственным трудом» [19. С. 205]. Обрисовывая в статье «О происхождении языка» (1926) эпоху ручной речи, он не спешил уточнить, что руки – это прежде всего орудия труда, а уже потом – способ (орудие) общения, т.е. язык – это «орудие производства». Для него это являлось, видимо, настолько очевидным, что не нуждалось в специальном заострении. Звуковой язык порожден появлением искусственных орудий труда, и Марр

сосредоточивается на этом: «...возникновение самой членораздельной речи не могло произойти ранее перехода человечества на производственный труд с помощью искусственно сделанных орудий. <...> Звуковая речь не могла, следовательно, начаться раньше распространения навыка искусственной обработки хотя бы камня» [19. С. 205]. Развитие языка – это развитие труда и руки как орудия труда, а переход от ручного к звуковому языку вызван оснащением трудовой деятельности, т.е. овладение рукой, искусственным орудием труда: «Рука же – первоначально единственное естественное орудие речи, как и единственное орудие всякого производства, пока та же производственная сила, трудовой человек, не создает ей заместителя в искусственных орудиях производства, предметах материальной культуры и тогда, только тогда... функция орудия речи переходит на язык...» [19. С. 209]. Такова «диалектическая палеонтология» языка Марра в работе 1926 г. «О происхождении языка». Этой работе предшествовали и другие, в которых тезисы его исторической панорамы глотто- и в силу этого антропогенеза были только намечены, – и это развитие необходимо проследить.

Ранее 1924 г. ничего о ручном языке Марр не говорил, хотя в знаменитой работе «Яфетический Кавказ и третий этнический элемент» (1920) дается намек на существенную роль руки в языке [18. С. 100], а в «Яфетидах» (1922) есть место, где Марр говорит не просто о языке и речи, а именно о звуковой речи [18. С. 126]. В «Основных достижениях яфетической теории» (1925) мы находим первое упоминание о том, что до звуковой речи «люди говорили жестикующиею и мимикой, воспринимая мир и всю окружающую их жизнь в образах и по сродству образов и соответственно объясняясь друг с другом линейными движениями, символами тех же образов и форм» [18. С. 212]. Мимоходом Марр замечает, что звуковая речь началась поздно, «в связи с переходом человечества с естественных орудий производства на искусственные, им созданные и обработанные...» [18. С. 212]. Развернутой концепции до работы «О происхождении языка» еще нет: перед нами мысли, как бы зафиксированные для дальнейшей разработки. В статье «К происхождению языков» (1925) читаем: «Звуковому языку... предшествовал длительностью многих тысячелетий линейный или изобразительный язык, язык жестов и мимики» [18. С. 217]. Таким образом, истоки концепции ручной речи в трудах Марра даже с натяжкой можно фиксировать не ранее 1922 г., а в краткой формулировке мы находим ее в 1925 г.

Вернемся к «Общему курсу учения об языке»: в этой работе, взятой в совокупности со статьей «О происхождении языка», мы видим уже развернутую концепцию ручного языка и звуковой революции – комплекс идей, принадлежащих исключительно Марру. «Человек до звуковой речи, культовой, располагал обиходной, говорил линейным языком – жестами и мимикой, причем главную роль в линейной речи играла рука. Этот язык движений, кинетический язык, по господствующему в нем орудию производства был, можно сказать, ручным» [19. С. 85]. Марр заостряет принцип первичности труда и, соответственно, коллективности («общественности»), утверждая, что, с одной стороны, «даже кинетическая речь предполагает некий

трудовой процесс как предпосылку ее развития», а с другой – что в этом процессе «развивалось в свою очередь и общественное мировоззрение, не исключая и культового, или магии» [19. С. 77]. Руки в этом процессе «являлись решающим моментом в новом, отличном от норм животных, направлении жизни человечества» [19. С. 77]. Далее эта мысль усиливается: «Роль руки, как основного объединяющего или организующего орудия речи, громадна. Рука в центре языковой жизни человечества так же, как в центре производства трудовой его жизни» [19. С. 81]. Эта постановка прямо отсылает к Нуаре с его идеей руки как *conditio sine qua non* развития разума, но Марр идет дальше, связывая ручной язык с производством, ведь рука изначально – «и орудие производства и воплощение самой речи» [19. С. 84].

В «Общем курсе» Марром вводится понятие звуковой революции: «...появление звуковой речи было революцией. Громадно революционное значение замены “руки” и “глаза” аппаратом, целиком сосредоточенным в головной части тела, в непосредственной связи с мозгом, в его окружении – с полостью рта и ушами. <...> При таких данных использование технических и идеологических преимуществ звуковой речи представляло собой власть над тьмой и отчетливость в даче и восприятии материальных и надстроечных понятий, конкретных и отвлеченных представлений, образов и понятий, а в условиях общественности тех эпох в зависимости от производственной среды возникновения звуковой речи и способа ее распространения, звуковой язык не мог не стать и орудием власти, как впоследствии письменность, литература и пресса» [19. С. 87–88]. Марр концентрируется на производстве в марксистском понимании этой категории, предлагая концептуальные зарисовки генезиса осмысленных звуков и звуковой речи. Производство первично, и только в нем заключаются истоки плясок, пения и музыки, магизм которых вторичен и произведен от «магизма» труда: «Происхождение это приходится искать в магических действиях, необходимых для успеха производства и сопровождающих тот или иной коллективный трудовой процесс» [19. С. 85]. Ученый представляет достаточно изощренные палеолингвистические конструкции, связанные с формированием из первичных хозяйственно-общественных коллективов племен, образующихся «по изобретении и развитию звуковой речи» [19. С. 90].

Дискурс происхождения языка, поставленный Марром на рельсы марксизма, встречает препятствия, созданные самим ученым. То, что Марр называет «звуковым языком», у Нуаре имеет исток в первичных трудовых криках и звуках, производимых орудиями, которые никак нельзя ни развить до песни, ни свести к ней, ни вообще связать с ней. По всей видимости, для того, чтобы представить марризм не как учение, имеющее отсылки к идеям Нуаре, а как нечто самостоятельное, не имеющее прямого отношения к Нуаре и им непосредственно не вдохновленное, Марр и вводит в свою конструкцию песню как элемент протокультуры (связывая ее с магией), а затем, как если бы этого было мало, и концепт (точнее, догмат) «четырех элементов», что создает для его палеонтологии языка не только неразрешимые

даже гипотетически трудности, но и угрозы ее логической (и идеологической) целостности. Звуковая речь в этой конструкции технически возникает из четырех магических звуковых комплексов, элементов техники «коллективного магического действия пения» [19. С. 130]. Введение «элементов» положило конец попыткам научной постановки проблемы и перевело ее в сферу фантазий. Добавление того «факта», что протослова служили тотемами, т.е. способом саморепрезентации людских коллективов, равно как и других подобных же «фактов», превратило фантазии в фантазмагии, весьма далекие от науки, которая отнюдь не всегда выступает против недоказуемых гипотез, но всегда за соблюдение меры в этом. Критические вердикты Л. Томаса и особенно М. Ляхтеэнмяки и Н.Л. Васильева и их упреки в том, что «примесь “магического” компонента» придала всей марровской картине глоттогенеза несуразный вид, таким образом, имеют основания в трудах самого Марра.

Время от времени ученый пытается затушевать роль магии, но это получалось у него не очень удачно, — и так его тексты, взятые в совокупности, заставляют прийти к выводу, что магия является действительно лишним, если не концептуально деструктивным элементом его конструкций и схем. Так, мы читаем, что магия как таковая существовала и в эпоху ручного языка; что четыре элемента, повторим, носят магический характер; что их магическое значение, или сила, проявлялось «без обозначения конкретного представления, образа или понятия» [8. С. 90]; что звуковая речь появилась, когда уже существовала «организация работников магии» [8. С. 93]. Все это противоречит собственной логике марровского тезиса о звуковой революции. Смысл введения термина «магия» совершенно неясен, да и вводится он «явочным» порядком, как, с одной стороны, дань теориям первобытного общества (в особенности Леви-Брюля), а с другой — как своего рода второе измерение звуковой революции, которое на деле лишает эту гипотезу смысла. Хотя магия у Марра формально имела смысл только в трудовом процессе и была практически тождественна с трудом, аналитически от труда она не отсекается, что явным образом ослабляло концепцию, отдаляя ее не только от науки, но и от идеологии. «Труд-магическая» теория переросла в просто «магическую», в ту самую «тарабарщину», которая вызвала возмущение Сталина.

Недоработанной в трудах Марра оказалась и проблема перехода от «ручного мышления» к логическому (отвлеченному, понятийному), «о возникновении людской речи, т.е. мышления + языка» [8. С. 106]. В работе «Язык» (1927) Марр сопоставляет переход от линейного языка к звуковому с развитием логического мышления: «Линейный язык вполне отвечал и качеству и уровню умственного развития человечества начальных эпох и технически и идеологически. Человечество тогда мыслило дологическим мышлением, без отвлеченных понятий, представлениями в образах и в их нашему восприятию чуждой взаимной связи» [19. С. 129]. Для объяснения, каким образом произошел переход к звуковому языку и понятийному мышлению, т.е. как

произошла звуковая революция, Марр прибегает к уже неудачно апробированной схеме протослов – звуковых комплексов, возникших «в коллективном трудовом процессе, имевшем магическо-производственное значение, в комплексном действе “пляске-музыке-пении”, неразлучном с эпосом» [19. С. 130].

В некоторых пассажах, когда Марр приближается к идеям Нуаре, например, когда рассуждает о связи коллективности представлений, орудий и общих понятий, как в случае с топором (любимый пример Нуаре), который, «находясь во владении всего производственного коллектива, воспринимался двояко – и как конкретный предмет “топор” и как общее понятие “орудие”» [8. С. 103], Марр становится на перспективный путь, но его мысль все время соскальзывает на другие, излюбленные им темы. Так, в «Языке и мышлении» он намечает анализ протомышления, растворенного в производстве, с зачатками каузальности и нерасчлененным субъект-объектными отношениями, – и логика необходимым образом ведет его к обращению к соответствующим разработкам Нуаре об орудиях. Однако Марр как бы противился этому, включая в получившуюся картину тотемы, отождествляя их в этом случае с коллективными орудиями производства и называя их (видимо, по инерции) «средством эксплуатации». Он то разграничивал ручные и звуковые тотемы, постулируя борьбу между соответствующими коллективами, то помещал тотем и синтаксис в отношения базиса и надстройки (синтаксис и тотем изначально находятся в «производстве», а затем переходят в «надстройку») [8. С. 116], т.е. делал все, чтобы запутать и без того не самую стройную теорию.

Хотя нельзя сказать, чтобы Марр бездумно доверял Л. Леви-Брюлю, но тем не менее использование его концепции, недостатки которой (прежде всего, нечеткая постановка проблемы перехода от дологического мышления к логическому) он как бы исправляет, едва ли помогло вывести ученого из плена смутных образов, скорее, уже окончательно запутало и без того невероятное нагромождение концептов, которые он часто брал, не разбирая их существа и уж тем более не утруждая себя внятными определениями. В особенности это касается навеянной, очевидно, Леви-Брюлем концепции стадий мышления (тотемическая – космическая – техническая), которую он пытался увязать и с принципом стадильности развития языка, и со своим четырехэлементным анализом, и – last but not least – с принципом надстроечности языка, постоянно путая при этом язык, мышление и мировоззрение.

Нередко Марр предпринимал попытку прояснить суть самой главной из «замолчанных революций», открытой им, т.е. перехода от ручного к звуковому языку, *без тотемов и магии*, исходя лишь, подобно Нуаре, из труда («чистого труда», можно сказать). Так, к примеру, в «Языке и письме» (1929) он многообещающе начинает: «Звуковая речь начинается не только не со звуков, но и не со слов, а с определенного идеологического построения, это с перенесенного с производства в речь строя или так называемого синтаксиса» [19. С. 368]. Казалось бы, перед нами потенциально марксистский дискурс и автор вот-вот перейдет к социальной организации, которая

вырастает из трудового производства. Придерживаясь принципов Энгельса, на этом пути можно было бы преодолеть недоработки концепции Нуаре, который не уделял внимания социальной дифференциации и разделению труда, но у Марра дальше постановки задачи дело не идет. В другой работе Марр пытается перевести эту интуицию на понятный язык: «Звуковая речь начинается не только не со звуков, но и не со слов, частей речи, а с предложения, *геср.* мысли активной и затем пассивной, т.е. начинается с синтаксиса, строя, из которого постепенно выделяются части предложения, определявшиеся по месту их нахождения в речи» [19. С. 417]. Здесь также возможен выход на проблему связи глоттогенеза и социальной дифференциации («синтаксис» как отражение социальной структуры), но Марр не воспользовался этим путем, хотя цель им была сформулирована – показать и дать генезис языка, понимаемого как «создание человеческого коллектива, отображение не только его мышления, но и его общественного строя и хозяйства в технике и строе, равно и в семантике...» [19. С. 421].

Отдельной проблемой истории марризма является его концепция классов (иногда он писал «пра-классов») в доклассовых обществах. Как это ни странно, но Ковалев вполне потворствует (если не способствует) марровскому панклассовому видению истории. Тезис № 57: «Яфетическая теория отбрасывает само понятие национального, внесловного, внеклассового языка, как понятие ненаучное...» [19. С. 116]. С другой стороны, Ковалев признает недостаточную разработанность классовой проблематики у Марра и некорректность его терминологии: «Каким же путем превращаются племена в классы и сословия? У Н.Я. Марра мы не найдем ясного ответа на этот вопрос. Даже более: его терминология может дать здесь повод для вульгарного толкования» [20. С. 250].

Заключение

Сопоставив идеи Нуаре и Марра, нетрудно убедиться в том, что немецкий мыслитель повлиял на Марра намного больше, чем это признавал сам Марр и чем это признавалось в марризме. Однако важно выяснить концептуальное соотношение их идей, прежде всего в том, что касается конструирования «нулевого этапа» языка и мышления. У Нуаре это трудно поддающийся теоретическому представлению доорудийный этап, у Марра – концептуально оформленный линейный язык как языковая система (при всей недоказуемости этого тезиса). Эти две ступени антропогенеза двух философов языка можно если не отождествить, то сопоставить. И здесь надо сказать, что Марр оказывается в большей степени вооруженным – конечно, не «подзорной трубой языкознания», как Нуаре, но материалистическим подходом. Принимая тезис Нуаре об определяющей роли руки в генезисе языка и мышления человека, он вводит гипотезу о линейной речи, что прямо вытекает из логической сущности этой постановки о труде как источнике человека. Ручной язык Марра – это ручной, доорудийный труд, «труд в чистом виде» или производство как таковое, «чистый язык» в тождестве с «чистым

трудом». Нуаре же смог только признавать существование доорудийного периода языка-мышления, не развивая этой идеи и не предлагая какой-либо гипотезы о содержании этой «полосы едва освещенных редкими проблесками сумерек». В этом материализм Марра превосходит идеализм Нуаре, однако в ряде других отношений Марр как бы отрекается от своего материализма, уходя в мир фантазий и «магии».

В концепции Нуаре нет магии: орудий труда ему вполне достаточно, чтобы непротиворечиво описать этапы антропогенеза. Марр, не задумываясь, берет на вооружение тезис о роли орудий в переходе к звуковому языку и логическому мышлению, однако развитие этого постулата ему плохо удается. Несмотря на свой материализм, Марр вводит принцип магии и намечает схему труд-магического процесса, представляющего собой как бы два аналитических этажа его палеонтологической конструкции, труд и магию. Это загромождает концепцию сущностями, введенными явно без надобности. Магия у Марра часто затеняет труд, и в этом, как получается, здесь Нуаре стоит ближе к Энгельсу, чем сам Марр. Орудия труда, вопреки канонам материализма и марксизма, у Марра показаны не четко; такой развернутой постановки, как у Нуаре, у него нет. Не желая, как представляется, «делиться приоритетом» и в полном объеме признавать значение идей немарксистского представителя трудовой теории происхождения языка, Марр не смог преодолеть трудности, неизбежно встающие перед тем, кто пытается заглядывать в глубины истории.

Хотя марристы – в лице, к примеру, К.Р. Мегрелидзе – и были рады обманываться в том, что «в последние годы своей работы Н.Я. Марр вплотную подошел к собственно-философским проблемам своего учения» [32. С. 44] тем не менее, исходя из всего сказанного, следует признать, что для создания цельной концепции глоттогенеза, помимо марксистской, Марру недоставало и общеполитической подготовки, которая помогла бы более глубоко понять идеи Нуаре и Энгельса и развить их. Достаточно удачную попытку относительно непротиворечивого изложения философии языка Марра с учетом некоторых существенных недоработок предпринимает А.М. Деборин в работе «Новое учение о языке и диалектический материализм» (1935) [33]. Советский философ, испытавший, между прочим, влияние Плеханова, осуществляет достаточно релевантный синтез марризма и марксизма, усиливая марксистскую аргументацию Нового учения, сглаживая его неудачные моменты (особенно в части классово-риторической и тезиса о «магии»), проводя реатрибуцию некоторых источников марризма (Л. Нуаре, Л. Леви-Брюль, Э. Кассирер), и доводит таким образом «Новое учение» до состояния цельной концепции глоттогенеза. Концепция ручного языка с образным мышлением и его трансформация в звуковой с его мышлением понятиями представляла для Деборина особый интерес, и ее он приводит в довольно связный вид, усиливая одни тезисы и нивелируя другие.

Особым образом следует отметить доверие Деборина к Нуаре как к мыслителю и философу языка, что в лучшую сторону отличало его от Марра и марристов, да и выделяло из всех советских идеологов тех лет, склонных

обходить вниманием буржуазных мыслителей, тем более идеалистов. Здесь вполне уместен такой пример, М.Б. Вольфсон, критик марризма, не читая Нуаре и исходя только лишь из того, что он был идеалистом, без колебаний приписывает ему идеи, заведомо нелепые с точки зрения его концепции: «Человеческий труд Нуарэ рассматривает субъективно, как деятельность отдельного лица, строящего окружающий мир. Эта теория чрезвычайно далека от диалектического материализма, рассматривающего труд объективно...» [34. С. 28]. Достается и А.А. Богданову – за то, что он «теорию Нуарэ пропагандировал и объявлял марксистской», делая это «в своей книге “Падение великого фетишизма”, в книге, направленной против “Эмпириокритицизма и материализма” Ленина» [34. С. 28].

Деборину удастся хорошо прописать роль искусственных орудий труда в процессе перехода к звуковому языку. Используя орудийную теорию Нуаре более широко и усиливая его идею о том, что «орудие труда отличается характером общей идеи, характером *универсальности*» [33. С. 40], Деборин выстраивает концептуальную схему «превращения орудий в понятия», логически достраивая идею трудового генезиса абстрактного мышления в связи с появлением искусственных орудий труда: «*Общие действия, производимые первобытным коллективом при коллективном орудии труда, постоянная повторяемость определенных действий и сознание повторенных действий – привело человечество к отвлеченным понятиям. Но понятие не существует без названия, без имени; отсюда ясно, что понятия могли возникнуть и получить свое развитие благодаря новому языку, звуковому языку*» [33. С. 42]. И далее: «*Синтетический строй мышления в результате коренных сдвигов в технике и производственных отношениях, с переходом человечества на искусственные орудия и по возникновении собственности уступает свое место аналитическому мышлению, формально логическому...*» [33. С. 65]. Более понятно, чем Марр, Деборин определяет и концептуальное место магии в связи с орудиями труда: «Сам звуковой язык многие сотни веков, если не тысячелетия, имел функцию орудия производства согласно мировоззрению людей тех эпох, и в отличие от орудий из природного материала мы словесное или звуковое орудие вынуждены были называть магией. В свете этих соображений становится более ясной роль магии, как части *примитивной техники, где слово* имеет функцию орудия производства, когда магическое мышление считает возможным воздействовать на трудовой процесс, на внешнюю природу при помощи слова» [33. С. 43].

Таким образом, Деборин избавился от многих существенных противоречий марризма, придававших ему характер крайней экстравагантности и не встраивающихся в цельную философско-лингвистическую концепцию. Однако адепты «Нового учения» не приняли более логичную интерпретацию марризма, носящую философский характер, и в итоге «Новое учение о языке» осталось совокупностью плохо связанных между собой гипотез и домыслов, утверждавшихся и проводившихся императивно, вненаучными методами.

Список источников

1. Никандров А.В. Лингвистика и политика: политические мотивы и цель «свободной дискуссии по вопросам языкознания» 1950 г. // Дискурс-Пи. 2023. Т. 20, № 1. С. 46–70. doi: 10.17506/18179568_2023_20_1_46
2. Сталин И.В. Марксизм и вопросы языкознания. М. : Госполитиздат, 1953. 56 с.
3. Деборин А.М. Сталинское учение о языке // Вестник Академии наук СССР. 1950. № 7. С. 60–63.
4. Thomas L.L. The Linguistic Theories of N.Ja. Marr. Berkely ; Los Angeles : University of California Press, 1957. 457 p.
5. Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории (проблема палеопсихологии). СПб. : Алетей, 2007. 720 с.
6. Осипова Л.И. К вопросу о происхождении языка // Вестник МГПУ. Сер.: Фило-софские науки. 2018. № 4. С. 52–59.
7. Розов Н.С. Преодоление «языкового Рубикона»: версии, ступени и эволюционные механизмы // Идеи и идеалы. 2021. Т. 13, № 4, ч. 2. С. 348–365. doi: 10.17212/2075-0862-2021-13.4.2-348-365
8. Марр Н.Я. Избранные работы. Т. 3: Язык и общество. М. ; Л. : АН СССР, 1934. 421 с.
9. Hewes G.W. Primate communication and the gestural origin of language // Current Anthropology. 1973. № 14. P. 20–31.
10. Hewes G.W. The current status of the gestural theory of language origins // Annals of the New York Academy of Sciences. 1976. Vol. 280. P. 482–504.
11. Hewes G.W. A history of speculation on the relation between tools and language // Tools, Language and Cognition in Human Evolution / eds. by K.R. Gibson, I. Ingold. Cambridge : Cambridge University Press, 1993. P. 20–31.
12. Бурлак С.А. Происхождение языка: Факты, исследования, гипотезы. М. : Астрель, 2011. 464 с.
13. Vogman E. Language follows labour: Nikolai Marr's materialist palaeontology of speech // Materialism and Politics / eds. by B. Bianchi et al. Berlin : ICI Berlin Press, 2021. P. 113–132. doi: 10.37050/ci-20_06
14. Мещанинов И.И. Новое учение о языке. Л. : ОГИЗ, 1936. 344 с.
15. Алпатов В.М. История одного мифа: Марр и марризм. М. : УРСС, 2018. 284 с.
16. Алпатов В.М. Волошинов, Бахтин и лингвистика. М. : Языки славянских культур, 2005. 432 с.
17. Марр Н.Я. Избранные работы. Т. 5 : Этно- и глоттогония Восточной Европы. М. ; Л. : АН СССР, 1935. 668 с.
18. Марр Н.Я. Избранные работы. Т. 1 : Этапы развития яфетической теории. М. ; Л. : АН СССР, 1933. 397 с.
19. Марр Н.Я. Избранные работы. Т. 2 : Основные вопросы языкознания. М. ; Л. : АН СССР, 1936. 524 с.
20. Ковалев С.И. Марксизм и яфетическая теория // Проблемы марксизма: Статьи и исследования. Л. : ЛНИИМ, 1928. С. 243–298.
21. Кубланов М.М. Сергей Иванович Ковалев (1886–1960) // Ковалев С.И. Основные вопросы происхождения христианства. М. ; Л. : Наука, 1964. С. 5–20.
22. Нуаре Л. Орудие труда и его значение в истории развития человечества. [Харьков] : Гос. изд-во Украины, 1925. 396 с.
23. Иванов В.В. Очерки по истории семиотики в СССР. М. : Наука, 1976. 304 с.
24. Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. М. : Атеист, 1930. 340 с.
25. Марр Н.Я. Доистория, преистория, история и мышление: К вопросу о методах и кадрах по общественным наукам. Л. : ГАИМК, 1933. 34 с.
26. Антекер В.Б. Н.Я. Марр и новое учение о языке. М. : Госсоецгиз, 1934. 185 с.
27. Lähteenmäki M., Васильев Н.Л. Рецепция «нового учения о языке» Н.Я. Марра в работах В.Н. Волошинова: искренность или конъюнктура? // Russian Linguistics. 2005. Т. 29, № 1. С. 71–94.

28. Плеханов Г.В. Основные вопросы марксизма / Д.Б. Рязанов (ред.). М. : Московский рабочий, 1922. 181 с.
29. Богданов А.А. Падение великого фетишизма. М. : Т8 Rugram, 2019. 190 с.
30. Богданов А.А. Вопросы социализма: Работы разных лет. М. : Политиздат, 1990. 479 с.
31. Презент И.И. Происхождение речи и мышления: (К вопросу об их приоритете). Л. : Прибой, 1928. 128 с.
32. Мегрелидзе К.Р. Н.Я. Марр и философия марксизма // Под знаменем марксизма. 1935. № 3. С. 35–52.
33. Деборин А.М. Новое учение о языке и диалектический материализм. М. ; Л. : АН СССР, 1935. 66 с.
34. Вольфсон М. Богданов и Марр // Революция и язык. 1931. № 1. С. 28–32.

References

1. Nikandrov, A.V. (2023) *Lingvistika i politika: politicheskie motivy i tsel' "svobodnoi diskussii po voprosam yazykoznaniiya"* 1950 g. [Linguistics and politics: political motives and purpose of Free discussion on problems of linguistics of 1950]. *Diskurs-Pi*. 20 (1). pp. 46–70. doi: 10.17506/18179568_2023_20_1_46
2. Stalin, I.V. (1953) *Marksizm i voprosy yazykoznaniiya* [Marxism and problems of linguistics]. Moscow: Gospolitizdat.
3. Deborin, A.M. (1950) *Stalinskoe uchenie o yazyke* [Stalinist doctrine of language]. *Vestnik Akademii nauk SSSR*. 7. pp. 60–63.
4. Thomas, L.L. (1957) *The Linguistic Theories of N.Ja. Marr*. Berkely & Los Angeles: University of California Press.
5. Porshnev, B.F. (2007) *O nachale ranney istorii (problema paleopsikhologii)* [About the beginning of human history (a problem of paleopsychology)]. Saint Petersburg: Aleteyya.
6. Osipova, L.I. (2018) *K voprosu o proiskhozhdenii yazyka* [On the question of the origin of language]. *Vestnik MGPU. Ser.: Filosofskie nauki*. 4. pp. 52–59.
7. Rozov, N.S. (2021). Overcoming “the language Rubicon”: versions, steps and evolutionary mechanisms. *Idei i ideally*. 13:4 (2). pp. 348–365. (In Russian). doi: 10.17212/2075-0862-2021-13.4.2-348-365
8. Marr, N.Ya. (1934) *Izbrannye raboty* [Selected works]. Vol. 3. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences.
9. Hewes, G.W. (1973) *Primate Communication and the Gestural Origin of Language*. *Current Anthropology*. 14. pp. 20–31.
10. Hewes, G.W. (1976) *The Current Status of the Gestural Theory of Language Origins*. *Annals of the New York Academy of Sciences*. 280. pp. 482–504.
11. Hewes, G.W. (1993) *A History of Speculation on the Relation between Tools and Language*. In: Gibson, K.R. & Ingold, I. (eds) *Tools, Language and Cognition in Human Evolution*. Cambridge, Cambridge University Press. pp. 20–31.
12. Burlak, S.A. (2011) *Proiskhozhdenie yazyka: Fakty, issledovaniya, gipotezy* [The origin of language: Facts, studies, hypotheses]. Moscow: Astrel'.
13. Vogman, E. (2021) *Language Follows Labour: Nikolai Marr's Materialist Palaeontology of Speech*. In: Bianchi, B. et al. (eds) *Materialism and Politics*. Berlin: ICI Berlin Press. pp. 113–132. doi: 10.37050/ci-20_06
14. Meshchaninov, I.I. (1936) *Novoe uchenie o yazyke* [New doctrine of language]. Leningrad: OGIZ.
15. Alpatov, V.M. (2018) *Istoriya odnogo mifa: Marr i marrizm* [A story of one myth: Marr and Marrism]. Moscow: URSS.
16. Alpatov, V.M. (2005) *Voloshinov, Bakhtin i lingvistika* [Voloshinov, Bakhtin and linguistics]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.

17. Marr, N.Ya. (1935) *Izbrannye raboty* [Selected works]. Vol. 5. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences.
18. Marr, N.Ya. (1933) *Izbrannye raboty* [Selected works]. Vol. 1. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences.
19. Marr, N.Ya. (1936) *Izbrannye raboty* [Selected works]. Vol. 2. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences.
20. Kovalev, S.I. (1928) Marksizm i yafeticheskaya teoriya [Marxism and Japhetic theory]. In: *Problemy marksizma. Stat'i i issledovaniya* [Problems of Marxism. Articles and Research]. Leningrad: LNIIM. pp. 243–298.
21. Kublanov, M.M. (1964) Sergey Ivanovich Kovalev (1886–1960) [Sergey I. Kovalev (1886–1960)]. In: Kovalev, S.I. *Osnovnye voprosy proiskhozhdeniya sobytiya khristianstva* [The main questions of the origin of the event of Christianity]. Moscow: Nauka. pp. 5–20.
22. Noiré, L. (1925) *Orudie truda i ego znachenie v istorii razvitiya chelovechestva* [The tool of labor and its significance in the history of human development]. Translated from French by I. Davidzon. [Kharkiv]: Gos. izd-vo Ukrainy.
23. Ivanov, V.V. (1976) *Ocherki po istorii semiotiki v SSSR* [Essays on the history of semiotics in the USSR]. Moscow: Nauka.
24. Lévy-Bruhl, L. (1930) *Pervobytnoe myshlenie* [Primitive mentality]. Translated from French. Moscow: Ateist.
25. Marr, N.Ya. (1933) *Doistoriya, preistoriya, istoriya i myshlenie: K voprosu o metodakh i kadrakh po obshchestvennym naukam* [Prehistory, history and thinking: On the question of methods and personnel in the social sciences]. Leningrad: GAIMK.
26. Aptekar', V.B. (1934) *N.Ya. Marr i novoe uchenie o yazyke* [Nikolai Marr and new doctrine of language]. Moscow: Sotsekgiz.
27. Lähtenmäki, M. & Vasil'yev, N.L. (2005) Retseptsiya “novogo obucheniya o yazyke” N.Ya. Marra v rabote V.N. Voloshinova: iskrennost' ili kon'yunktura? [The reception of Nikolai Marr's “new doctrine of language” in the works of Valentin Voloshinov: sincerity or conjuncture?]. *Russian Linguistics*. 29.1. pp. 71–94.
28. Plekhanov, G.V. (1922) *Osnovnye voprosy marksizma* [Basic questions of Marxism]. Moscow: Moskovskiy rabochiy.
29. Bogdanov, A.A. (2019) *Padenie velikogo fetishizma* [The fall of great fetishism]. Moscow: T8 Rugram.
30. Bogdanov, A.A. (1990) *Voprosy sotsializma: Raboty raznykh let* [Issues of socialism: Works of different years]. Moscow: Politizdat.
31. Prezent, I.I. (1928) *Proiskhozhdenie rechi i myshleniya (K voprosu ob ikh prioritete)* [Genesis of speech and thinking (To the question of their priority)]. Leningrad: Priboy.
32. Megrelidze, K.R. (1935) *N.Ya. Marr i filosofiya marksizma* [Nikolai Marr and the philosophy of Marxism]. *Pod znamenem marksizma*. 3. pp. 35–52.
33. Deborin, A.M. (1935) *Novoe uchenie o yazyke i dialekticheskiiy materializm* [The new doctrine of language and dialectical materialism]. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences.
34. Volfson, M. (1931) Bogdanov i Marr [A. Bogdanov and N. Marr]. *Revolutsiya i yazyk*. 1. pp. 28–32.

Информация об авторе:

Никандров А.В. – канд. полит. наук, старший научный сотрудник кафедры философии политики и права философского факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: bobbio71@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.V. Nikandrov, Cand. Sci. (Political Science), senior researcher, Department of Theory of Philosophy of Politics and Law, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: bobbio71@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 29.07.2023;
одобрена после рецензирования 14.03.2024; принята к публикации 12.07.2024.*

*The article was submitted 29.07.2023;
approved after reviewing 14.03.2024; accepted for publication 12.07.2024.*